

— Маленьким девочкам уже пора спать.

— А?

— Детям не следует на такое смотреть. Потом долго не сможешь уснуть.

Рука Розали легла на глаза Хейзел, и та тут же заснула.

Клыки вампира сверкнули в лунном свете. Воды Темзы взмыли вверх и опустились, как стрела.

Бой длился недолго.

Маккей уворачивался от бурлящей воды, но волна поймала его ногу. Вода вокруг его лодыжки тут же превратилась в лёд.

В следующий момент свободная рука Гила, не держащая Хейзел, пронзила сердце Маккея, а лёд моментально сковал его ноги и руки.

Дыхание Розали белело от холода поднимающейся ледяной стены.

Маккей безумно рассмеялся, когда Розали схватила его отрубленную голову.

Девушка-палач грациозно стояла на гребне заледеневшей волны. Брызги крови на красном плаще были почти незаметны. Кровь вампира продолжала литься на лёд.

— Забавно... Ведь это я собирался разорвать тебе горло... — пробормотал Маккей.

Утренний свет разливался по мрачной Темзе.

Гил, пронзивший сердце Маккея, отёрнул окровавленную руку и быстро накинул капюшон.

Голова Маккея всё ещё парила в нескольких дюймах над ладонью Розали.

Изо рта обезглавленного вампира вырвался крик.

— Ох, как я мог забыть. Чародей и вампир. Графиня Эвенхарт. Эти проклятые волосы, это магия. Я знал. Знал! Я ведь видел это раньше!

Глаза Розали расширились.

Маккей ухмыльнулся.

— Странно... Все Эвенхарт должны быть мертвы... Я знаю, что их всех перерезали. Я помню... Их сожрал вампир, которого они же и взрастили...

Смех звучал недолго. Огненный ярко-жёлтый свет разлился по Темзе. Под лучами солнца Розали Эвенхарт продолжала держать в руке отрубленную голову Маккея.

Тело вампира начало рассыпаться пеплом.

— Ха... Проклятое солнце, — выругался Маккей.

— Тебе есть ещё что сказать? — спросила Розали.

— Будь проклят этот Лондонский договор. Если бы не слабые сородичи, которые заключили союз с людьми, мы... Он царствовал бы вечно...

В тот момент, когда вампир попал под лучи солнца, оставшаяся без тела голова Маккея превратилась в пепел и исчезла. Кровь вампира пролилась на каменную брусчатку, а затем бесследно растворилась, как и кровь на одежде Розали.

Солнце осветило всю улицу.

Словно всё только что произошедшее было миражом. Темза встречала мирное утро.

Проснувшаяся Хейзел прыгнула на землю, как только Гил осторожно опустил её.

Гил стоял спиной к солнцу.

Розали подняла упавшие на землю очки и протянула их мужчине.

Вскоре солнечный свет залил всё вокруг.

— Ты вампир, — пробормотала Хейзел.

— Дворецкий.

— Дворецкий семьи Эвенхарт и вампир под нашим началом... — поправила его Розали. — В любом случае, он тоже остался один.

Фиолетовые глаза Гила скрылись за очками.

— Как ты можешь дружить с вампиром?.. Ты ведь говорила, что ненавидишь их за то, что они убили всю твою семью...

Розали ничего не ответила Хейзел. Они просто смотрели друг на друга, пока Розали не затронула немного другую тему.

— Да, вся моя семья погибла из-за вампира. Я хотела бы ненавидеть их. Но давным-давно моя семья заключила договор с первым Кровавым Лордом Сонаамор. Мы дали друг другу нечто важное и обещали держать слово. Такова наша история.

— Сона... амор?..

— «Любимец солнца», — пробормотала Розали. — «Сона» — это солнце, а «Амор» означает «любовь». Разве не иронично? Ведь их раса обращается в пепел под лучами солнца. А моя семья всегда занималась охотой на вампиров.

Хейзел вздрогнула.

Гил посмотрел на ребёнка и осторожно заговорил:

— Я не собирался ничего скрывать. Но мне показалось, что тебе это не понравится... И я не стал говорить. Я вампир, подчиняющийся семье Эвенхарт, и мой хозяин — человек.

— Он вампир, который пьёт только кровь семьи Эвенхарт, — добавила Розали.

— Меня зовут Гилхельм Сонаамор, — после его слов Хейзел всё ещё выглядела сбитой с толку.
— Я вампир, принявший сторону людей во время Кровавой Бойни.

Только тогда Хейзел смогла вспомнить слова Розали:

«За сотни лет, прошедших с момента подписания Лондонского договора, большинство вампиров не пили ничего, кроме крови тех, с кем заключили контракт. Так что не нужно так отчаянно ненавидеть эту несчастную расу».

Но даже так Хейзел не могла шевельнуться. Несмотря на то, что он защищал её в недавней битве, она не испытывала благодарности. Как будто головой всё понимала, но сердце отказывалось принимать это. Она просто опустилась к земле и уставилась на руку Гила, которую так легко схватила недавно, когда ничего не знала.

Гил ласково проговорил:

— Я прекрасно понимаю, что сделали мои сородичи. На это потребуется время. На то, чтобы наши истинные чувства достигли тех, кому был причинён вред... Я понимаю, что до тех пор нас будут ненавидеть и смотреть предвзято.

Розали тихо сказала Хейзел:

— Я отведу тебя домой.

Хейзел протянула руку Розали, на этот раз более осторожно. Пока шла, она смотрела на спину Гила, шагающего впереди. Девочка больше не говорила с ним, но и не ругала вампиров так безжалостно, как до этого.

Весть о смерти Маккея Бистмонда скоро разлетелась по улицам Риверсайда. Комендантский час также был отменён.

Офицер Рейнольдс сказал, что всё сложилось очень удачно, и не переставал рассыпаться в благодарностях. Его очень беспокоило, как горожане отреагируют на новость о том, что из семьи Грэм сбежал вампир.

— Не переживай так сильно, это проблема семьи Грэм, — сказала ему Розали.

Гил сказал, что это могло быть связано с тем, что договор ослаб из-за старения рода Грэм.

Как бы то ни было, дело о вампире, вырвавшемся из-под контроля, сбежавшем и убившем человека, похоже, было исчерпано.

Подозрительные взгляды на вампиров не исчезли, но, по крайней мере, люди могли снова спокойно пользоваться прибрежной площадью Риверсайд.

Перед тем, как Розали и Гил покинули улицы Риверсайда, Хейзел ещё раз навестила их со свежее испечёнными булочками. Девочка не стала разговаривать с Гилом, вместо этого она просто протянула ему выпечку.

Гил был вампиром и не мог есть булочки, какими бы вкусными они ни были, но молча принял угощение.

— Вы уже уезжаете?

— У нас есть дела в другом месте.

— Когда в следующий раз окажетесь на Риверсайд-стрит, обязательно загляните в пекарню, где я работаю.

Розали ответила, что так и поступит, и села в поезд. Обернувшись, она помахала Хейзел.

Девочка подошла к самому краю платформы и тоже помахала.

Усевшись, Гил достал тёплую булочку и отдал её Розали. Затем достал ещё одну и надкусил её сам.

Розали удивлённо посмотрела на него.

— Тебе не нужно заставлять себя, Гил.

Гил сделал ещё несколько укусов и сглотнул. Но не смог съесть и половины булочки. Поэтому оставшаяся выпечка досталась Розали.

Гил нахмурился.

— Кажется, меня тошнит...

— Зачем заставляешь себя, если знаешь, что твой организм не принимает пищу?

Розали рассмеялась и доела остатки булочек. Наблюдая за тем, как девушка наслаждалась едой, Гил спросил:

— Розали, на что похож вкус булочек?

— Они сладкие.

— Сладкие?

— М-м-м, это как будто облако, таящее у тебя на языке. Если положишь его в рот, в глазах сияют звёзды. Ещё там есть шоколад, поэтому вкус чуть-чуть горьковат, но это всё равно очень вкусно. А по структуре они жевательные и уютные.

— Жевательные? Уютные?

— Когда шоколада, мука, молоко и яйца собираются вместе, они непобедимы.

— Что за фигня?

Розали крепко обняла Гила примерно на три секунды. Гил замер.

— Уютное — это как-то так.

— А что значит «жевательные»?

— Жевательные — это что-то вроде того чувства, которое ты испытываешь, когда кусаешь меня. В детстве папа говорил, что моя кожа мягкая, упругая и жевательная, — галантно сказала Розали, но Гил немного смутился.

— Эм, вот как.

— Гил, ты голоден?

— ...Немного.

Розали приподнялась и огляделась. Большинство мест в вагоне пустовали. Только один джентльмен средних лет дремал на заднем сиденье.

— Людей не так много. Может, немного крови?

— Прибереги её для другого раза. Позже, когда мы приедем в отель...

— Всего пару глотков. Чтобы перебить вкус булочек.

— ...Когда я стану человеком, то узнаю, каковы на вкус булочки.

Розали слегка рассмеялась. Она подхватила волосы, закрывающие спину, и перекинула их набок.

— Не зевай, разве ты не голоден? Если кто-то и заметит, он решит, что мы влюблённая парочка.

Приключение затянулось дольше, чем они ожидали.

Когда поезд остановился на следующей станции, Гил небрежно поцеловал Розали в затылок, пряча клыки. Люди, которые ехали с ними, ничего не заподозрили.

Гил выпрямился. Рана на шее Розали уже бесследно исчезла.

— После выпитого намного лучше, правда? Так зачем ты заставлял себя есть то, что не можешь?

В поезде, мирно идущем по рельсам, Гил ещё долго смотрел, как Розали ела булочки, представляя себе их вкус.

<http://tl.rulate.ru/book/85554/2753785>